НА СЦЕНЕ

„ТИГР“

ВОЗРОЖДЕННЫЙ
ВЕРСАЛЬ

«Тигр» снова на сцене. Не на европейской, международной, где он расприжасялся бывало, как у себя дома, а на маленькой сцене лондонского театрального клуба, перед аудиторией, поставшей в тех пор почти на четырнадцать лет.

Но это тот же «тигр», старый циничный хищник, не перящий ни единому слову своих партнеров, открыто презирающий их и с легкостью побеждающий в том матче лжи, лицемерия и жадности, который получил в истории название Версали.

Лысину Клемансо прикрывает черный шелк шапочки, и рука в белой перчатке то и дело сжимается в кулак, бесцеремонно ударяющий по столу. Стол дрожит, и кажется, что в зрительном зале звучит отдаленное урюмов эхо. Так на несколько часов оживают здесь вловещие тени Версаля.

Клемансо изъят из гроба и посажен за стол германским писателем Эмилем Людвигом. Людвиг, специализировавшийся в историко-биографическом жанре, написал драму «Версаль», в которой с достаточной исторической точностью воскресил перед зрителем печальные события 1919 года.

Герои пьесы известны всему миру. Связанные незатейливой интригой, лишь относительно склеивающей многочисленные и громоздкие эпизоды пьесы, они появляются на сцене, по выражению автора как тени «одного из самых черных преступлений Европы».

Клемансо, Ллойд-Джордж, Фонт, Орландо, Базиль Захаров, Надеревский, Вильсон проходят перед публикой в тех же костюмах, в теми же словами, какие проносили они тринадцать с половиной лет назад. Но крайней мере Людвиг клянется, что это именно те же слова. Он взял их за протоколом, газетных очерков и стенограмм конференций, стараясь, по его словам, «создать документально-точную и живописно-правдивую историческую хронику».

Но Людвиг не объективен, как уверяет английская пресса. Его немецкое происхождение якобы выдает в голове его намерения, «Гинсерболлом», в котором сквозит ненависть к победителям — так определяется творческий метод Людвигу. В «Историческую хронику» никто не верит. Коррупция, собиравшаяся на теле побежденной Германии, кажется слишком черными глазу консервативного лондонца, считающего Версаль как победу в послужающей эмблеме Великобритании.

Отдавая, пожалуй, некоторую должную уважения «тигру» как самому крупному и откровенному из версальских хищников, Людвиг довольно презрительно третирует всех остальных участников «великого дела». Ллойд-Джордж у него — себялюбивый клоун, искатель личных выгод, мелкий, презираемый Клемансо карьерист. Вильсон — болтун, над «четырнадцатью пунктами» которого все смеются. Бальфур — пустое место, «недоразумение в политике». Фонт — заводная кукла в руках Клемансо и т. д. и т. д.

Особенно недовольной осталась критика фигурой Ллойд-Джорджа. Рецензент «Сандей Тайме», воскресной газеты, еще более консервативной, чем «Тайме» ежедневный, называет пьесу Людвигу «недоказательством», а портрет Ллойд-Джорджа — «оскорблением».

Ставил пьесу Коммиссаржевский. Перед спектаклем он выступил с заявлением о том, «что не собирался ставить «Версаль» в духе громоздких исторических хроник, а попытается подчеркнуть и усилить все элементы гротеска, какие имелись в пьесе».

Грим, по единодушному отзыву критики, сделан превосходно. Портретное сходство изумительно. Английские журналы выжили с рядом репродукций, воспроизводящих отдельные моменты спектакля.

Это сходство явилось плодом тщательного подбора актеров. Последние выбирались почти как типаж для кинокартины. Особенное затруднение причинила роль японского представителя в пьесе. После долгих безрезультатных поисков администрация клуба пришлося обратиться за содействием в японское посольство, и только тогда удалось найти достаточно подходящий «типаж».

Пьеса поставлена на сцене клуба, пользующегося правом постановки без ненатурных ограничений. Провести «Версаль» через рогатки английской цензуры едва ли удастся. В этом сходятся во мнениях и консервативная и либеральная печать.

А. ГРЕВС